

Долгие годы, проведённые без солнечного света, сделали её ещё более нежной, чем самый изысканный нефрит. Хан Сяоши, лежа на его плече, видел эту почти прозрачную кожу шеи прямо перед глазами, и ему нестерпимо хотелось прикусить её, оставив на ней следы.

...Если Нин Хун разозлится, пусть кусает в ответ, сколько угодно.

Хи-хи, хи-хи-хи.

Пока он радовался в душе, внезапно из-под воротника Нин Хуна выскользнула тонкая чёрная тень, обвив шею, и маленькая изящная голова повернулась к Хан Сяоши, словно изучая его или проявляя любопытство.

— Интересно.

Играя, Хан Сяоши некоторое время смотрел в глаза драконоподобному узору, а затем внезапно протянул руку, коснувшись кончиком пальца его маленького рога.

Под пальцем он почувствовал упругую и прохладную кожу.

Чёрный узор, казалось, был скрыт под кожей, но теперь, словно получив щелчок по лбу, маленькое тело отклонилось в сторону.

— Что ты делаешь? — внезапно спросил Нин Хун.

Он почувствовал зуд на затылке, место, где палец Хан Сяоши коснулся его, словно загорелось, и приятное покалывание пробежало по нервам, вызывая дрожь.

Пойманный с поличным, Хан Сяоши поспешно убрал руку.

Он широко раскрыл глаза, наблюдая, как драконий узор, покачиваясь, свернулся в кольцо, спрятав голову внутри, и с любопытством спросил:

— Старший брат Нин, этот узор... он что, живой?

Нин Хун напрягся.

Обычные Драконьи узоры кровавой души призрачных культиваторов не были такими живыми.

Уникальность Нин Хуна заключалась в его природе Небесного Демона. Его истинная сущность была ещё более зловещей, чем у призрачного культиватора, и он мог легче собирать духовную энергию, поэтому его узор формировался быстрее.

К счастью, Хан Сяоши задал вопрос просто так, не ожидая ответа. Он с интересом смотрел на рог маленького дракона и спросил:

— Старший брат Нин, это дракон или змей?

Нин Хун тайно вздохнул с облегчением.

— Сначала змей, затем малый дракон, а в конце — великий дракон, — ответил он.

Хан Сяоши задумчиво кивнул.

Машинально он поднёс к узору пламя ян, и маленький дракон внезапно взметнулся вверх, словно встретив врага, быстро обернулся два раза и нырнул под воротник Нин Хуна.

...Затем осторожно высунул половину головы, оскалившись на Хан Сяоши.

Мысленно он погасил пламя на кончике пальца.

Вокруг сразу стало темно, тени обрушились на них, поглотив их в полной тьме и тишине.

Нин Хун остановился, с беспокойством спросив:

— Что случилось?

Хан Сяоши быстро сообразил и жалобно ответил:

— Болит даньтянь, нет сил. Старший брат Нин, подожди немного.

Сказав это, он потёр пальцы, вызвав искру — настолько слабую, что она едва освещала путь под ногами.

Нин Хун нахмурился:

— Если тебе плохо, не используй духовную энергию. Этого света достаточно, мы можем идти медленнее.

Это было именно то, чего хотел Хан Сяоши. Он счастливо прижался головой к плечу Нин Хуна и тихо сказал:

— Хорошо, пойдём медленно.

Чем медленнее, тем лучше.

Чувство, что кто-то рядом, было особенным. Раньше они шли быстро, стремясь достичь цели как можно скорее, но теперь, не сговариваясь, оба думали одно и то же: этот путь должен быть как можно дольше.

Идя дальше, Нин Хун вдруг вспомнил кое-что.

Он слегка повернул голову и тихо сказал:

— Сяоши, спасибо.

Хан Сяоши, который играл с маленьким драконом, поднял голову и удивился:

— За что спасибо? Старший брат Нин, это я должен благодарить тебя.

Нин Хун слегка улыбнулся, едва заметно покачав головой.

За что благодарить?

За то, что он нарушил сюжет, давая ему немного передышки.

Хотя это было так коротко, менее получаса, но, блуждая по коридору, не думая о сюжете и персонажах, Нин Хун искренне почувствовал радость.

За годы игры злодея это было, пожалуй, самое счастливое время.

— Ты не похож... — вдруг сказал Нин Хун.

Не похож на Лун Ао Тяня.

Его голос был очень тихим, развеянным ветром, и Хан Сяоши не расслышал, наклонившись ближе к его шее:

— Что?

— Не похож на... молодого аристократа.

Нин Хун быстро изменил тему.

— Эх, в моём захолустье не могло быть аристократов, — Хан Сяоши засмеялся, его длинные волосы развевались на ветру, несколько прядей касались шеи Нин Хуна, вызывая лёгкий зуд.

Он прижался ближе, вдыхая лёгкий аромат травы от одежды Нин Хуна, и закрыл глаза.

Память, как разноцветная река, медленно текла в пространстве времени, и сейчас, взглянув на неё, он увидел вспышку звёздного света.

Сирота, которому достаточно было просто быть сытым и одетым, не мог претендовать на аристократизм.

Единственное, что он мог, — это сохранять надежду в любой ситуации.

— Кстати, я тоже думаю, что ты не похож, — вдруг сказал Хан Сяоши.

Нин Хун слегка удивился:

— Не похож на кого?

— Не похож на призрачного культиватора.

Нин Хун спросил:

— А каким, по-твоему, должен быть призрачный культиватор?

— Как призрак.

Хан Сяоши высунул язык, делая гримасу, и протянул:

— Пьёт кровь, пожирает души, ест людей.

— Ха!

Нин Хун не сдержался и рассмеялся.

Кончик его мизинца внезапно пронзила острая боль, ток прошёл через палец, заставив его дрожать.

Но, стиснув зубы, он с дрожью в голосе пошутил:

— А кто сказал, что я не ем людей?

Слова звучали с улыбкой, не вызывая страха, а лишь добавляя немного неоднозначности, что заставило Хан Сяоши оживиться, глаза его загорелись.

— Ты ешь людей?

Хан Сяоши обнял Нин Хуна за шею, слегка приподнявшись, и его губы случайно коснулись уха Нин Хуна, когда он сказал:

— Не боюсь. Давай, съешь меня, я жду.

Тёплое дыхание было так близко, словно змея обвилась вокруг его талии.

Влажный кончик языка слегка коснулся уха, как лёгкое прикосновение, но оно мгновенно зажгло в Нин Хуне огонь.

Он опустил голову, стараясь игнорировать смех Хан Сяоши, и ускорил шаг, позволяя холодному горному ветру бить ему в лицо.

Но это не успокаивало его сердце.

Стиснув зубы, Нин Хун с досадой подумал: почему он должен быть главным героем?

Не только внешность, но и характер его так подходил, будь он не Лун Ао Тянь, который женится и заведёт детей, Нин Хун, возможно, даже рискнул бы нарушить правила ради него...

Пока Нин Хун предавался грустным мыслям, он не знал, что на его спине Хан Сяоши, с глазами, сверкающими, как полумесяц, улыбался хитрой и нежной улыбкой.

Он улыбнулся и радостно подумал:

[025, учитель, кажется, я действительно начинаю его любить.]

...

Пока они наслаждались моментом, за пределами каменного дворца царила совсем другая картина.

Мрачные тени нависли над всем Луньханем, небо покрылось тяжёлыми тучами, почти касаясь земли.

Повсюду были люди, скованные красными верёвками, неспособные пошевелиться, чёрные узоры ползали по их телам, капли слюны медленно капали, словно голодные волки, готовые поглотить их в любой момент.

Кандидаты отчаянно пытались подняться, дрожа от страха.

Но красная нить, как росток, глубоко вросла в их духовные каналы, высасывая духовную энергию и жизненную силу.

Ту энергию, которую они с трудом накапливали, проливая пот и кровь.

Пальцы кандидатов впились в землю, из них сочилась кровь. Глаза его помутнели, и он с отчаянием подумал: нет, похоже, он здесь и погибнет...

В момент, когда он почти потерял сознание, в ушах раздался шорох шагов.

Кто-то идёт?

Кандидат резко оживился.

Кусая язык, он почувствовал острую боль, которая пробежала по телу, давая ему немного сил, чтобы повернуть голову.

<http://bllate.org/book/15111/1334783>